

СЛАВА
ДОРОНИНА

ЦЕНА СОГЛАСИЯ

Слава Доронина

Цена согласия

Серия «Однолюбы», книга 8

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68819178

Аннотация

- Какой срок? – Глотая слезы, я киваю на живот сестры.
- Неважно. Слушай, Маш... – Голос Зойки становится деловитым, – бабушка ведь нам двоим деньги на квартиру оставляла, так? Я верну со временем твою часть на карту.

С каждой секундой гул в ушах нарастает лишь сильнее.

- То есть, пока я оплачивала ипотеку и твою учебу, ты залетела от моего Дениса, а сейчас намекаешь, чтобы я освободила жилплощадь? С совестью у тебя как, Зой?

- Я слышала, что тебе предложили место в Москве. Какой-то богатый и крутой бизнесмен возглавляет компанию. Поезжай, Маш. Может, там свое счастье встретишь. Ты же не хочешь, чтобы мой ребенок рос безотцовщиной?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1 глава	4
2 глава	12
3 глава	19
4 глава	29
5 глава	37
6 глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Слава Доронина

Цена согласия

1 глава

– Машка, что значит ты не поедешь? – громко возмущается Света в трубку телефона. – Мы ведь еще в том месяце всё распланировали, забронировали номера, составили программу, оплатили прогулочные билеты. Неужели нельзя выбраться? – обиженно вздыхает подруга.

– Если бы было можно, то я бы уже ехала домой собирать сумку. – Открываю бардачок, чтобы взять помаду и добавить красок губам и настроению, а то похожа на бледную моль.

– Шовинист и трудоголик твой Куваев. Так ему и передай. Напишем с Таней на него жалобу в трудовую инспекцию.

– Угу, – хмыкаю я, закончив марафет и распустив волосы из хвоста. – Заодно погасите платеж по ипотеке. А после того как я рабочее место из-за вас потеряю, за Зойкой не забудьте присматривать, потому что меня, скорее всего, посадят в тюрьму за ограбление банка. Без рабочего места и привычного заработка я не потяну расходы, которые взяла на себя.

В полицию, так и быть, сама заскочу. Чтобы написать заявление на нашего босса. Надоели его грязные домогательства и намеки.

– А Дэн твой не может подсобить и взять хоть часть на себя? Или он только в трусы к тебе заглядывать может, пока ты вкалываешь за семерых и не выходишь из кабинета? Ау, Маш, молодость-то проходит. Второй не будет! А мужиков кругом – вагон и маленькая тележка. Особенно таких, как твой... Денис, – чуть ли не со злостью выплевывает Светка.

Взглянув в зеркало заднего вида, угрюмо всхлипываю, заметив босса. Вспомнишь козла – вот и он. А я покинула рабочее место и собираюсь выехать с парковки на своей колымаге. Еще и сижу с разукрашенным, как у Джокера, ртом. Куваев и без того не отводит глаз от моих губ во время совещаний.

Недавно произошла полная реорганизация компании, на носу важное слияние. Новый босс ходит злой и орет на подчиненных, раздает тонны работы. На личную жизнь совсем не остается времени. Удивительно, как Денис вообще меня терпит. А может, Вадим Михайлович специально закидывает всеми этими проектами и бумагами, чтобы я всецело только компании принадлежала, раз ему отказываю в интиме? Так не доставайся же ты никому, Мария Анатольевна! Умри на рабочем месте старой девой!

– Всё, Светик. – Я спешно ищу упаковку с салфетками, чтобы вытереть рот, но как назло нигде ее не нахожу. – Не могу говорить. Тане привет. Мысленно буду с вами. Шлите фотоотчет. Целую.

А то мне нужно осуществить план побега и вырваться на

встречу с сестрой хоть на пятнадцать минут. Зойка чуть не плакала в трубку, собираясь поделиться какой-то важной новостью. Но полагаю, опять будет требовать денег. С которыми и так напряг в последнее время.

Сбежать незамеченной у меня, естественно, не получается. Босс останавливается у моей машины и, постучав костяшками пальцев по стеклу, ждет, когда я его опущу.

– Мария Анатольевна, рабочий день еще не закончился, и вы мне нужны в офисе.

Он задерживает прищуренный взгляд на моих губах и распущенных волосах. Задумчиво хмыкает и жует какое-то время губу, пока я вижу все, о чем он думает, в его потемневших глазах.

Сволочь. Еще хватает наглости улыбаться! Чуть что, задерживает меня на рабочем месте и гоняет с поручениями, словно я дрессированная собачка. Не знаю, насколько хватит терпения, я уже на грани. Ведь было же все хорошо! Кому понадобилось ставить вверх дном налаженную работу и менять руководителей? Может, правда рвануть в Москву?

– Вадим Михайлович, я скоро вернусь. Буквально на полчаса нужно отъехать, и потом я снова включусь в процесс, – заверяю босса.

Куваев поднимает запястье и смотрит на часы.

– Через час приедут важные люди, чтобы посмотреть бумаги перед слиянием. Отчеты готовы?

Я утвердительно киваю.

А чем я еще, по-твоему, занимаюсь, просиживая задницу в кресле и зарабатывая косоглазие от той кучи документов в ноутбуке, которыми ты меня заваливаешь?

Вадим Михайлович снова опускает взгляд на мои губы, затем ниже. Блузка закрытая, но какие-то выпуклости и изгибы фигуры не скроешь. Отчего-то в этот момент думаю, что образ монашки мне бы очень даже подошел. Правда, с моим характером и увлечениями меня бы в монахини не постригли. Скорее, послали бы за инквизитором.

– По делам или по личному вопросу? – продолжает настаивать Куваев.

Внутри закипают злоба и протест, но я спокойно улыбаюсь.

Добавила, Машунь, красок? Пуговицу на рубашке не расстегнуть, Вадим Михайлович, чтобы обзор был лучше?

– По личному. Мы наконец-то с женихом едем в загс, чтобы подать документы на регистрацию.

Пока Куваев переваривает мои слова с явным разочарованием на лице, я закрываю окно и выезжаю с парковки, мысленно показав фак своему боссу. Боже, неужели придется уезжать в Москву? А с Зойкой как быть? Она не привыкла жить одна. А с квартирой? Хотя с той характеристикой, которую напишет мне эта похотливая сволочь, рассчитывать на что-то путное не придется, поэтому можно выбросить из головы мысли о переезде.

В кафе я чуть ли не вбегаю – времени в обрез. Еще и ед-

ва припарковалась. Какой-то внедорожник раскорячился на полдороги. Напокупают дорогих машин, а ты потом изворачивайся, чтобы не влететь на круглую сумму.

– Маш! – Зойка машет мне рукой, подзывая к своему столу.

– Привет. – Я плюхаюсь на стул и делаю глоток воды из стакана. – Надеюсь, у тебя действительно что-то стоящее. Времени у меня мало, вернусь поздно. Выкладывай, что натворила, и я поехала обратно.

Зойка краснеет и смущается, теребит в руках салфетку, а потом, тоже сделав глоток воды, быстро говорит:

– Спешешь? Ну ладно. Я беременна.

– Что? – Округляю глаза.

Хочется прочистить уши. Мне не слышалось?

– Когда ты успела? А кто отец?

Вопросы возникают в голове один за другим.

– Отец...

Повисает многозначительная пауза.

– Отец моего ребенка – Денис...

Сердце болезненно сжимается в груди, когда до меня доходит смысл. В нашей семье никогда не было теплых отношений. После смерти бабушки и вовсе все пошло под откос. Генка забрал себе дом, выселил нас с сестрой на улицу. Но ладно он, ничего доброго я от него и не ждала, а вот от Зойки получить нож в спину...

– Мой Денис? – сипло переспрашиваю я.

– Да, – понуро кивает Зойка.

– То есть, пока я день и ночь проводила на работе, вкалывая за двоих, ты и мой жених... – Осекаюсь, переваривая услышанное. – Какой срок? – киваю на живот сестры.

– Да неважно, Маш. Но теперь я совершенно не представляю, как мы будем жить все вместе в одной квартире. Бабушка ведь нам двоим деньги на нее оставляла, так? Я верну со временем твою часть на карту...

С каждой секундой гул в ушах нарастает лишь сильнее.

– Пока я оплачивала ипотеку и твою учебу, Денис присутствовал тебе, ты по глупости залетела, а сейчас намекаешь, чтобы я освободила жилплощадь? С совестью у тебя как, Зой?

– Я слышала, что тебе предложили место в Москве. Какой-то богатый и крутой бизнесмен возглавляет компанию. Поезжай, Маш. Может, там свое счастье встретишь. Ты же не хочешь, чтобы мой ребенок рос безотцовщиной?

Ну вот и приплыли. Вот к чему этот заход издалека.

Я залпом выпиваю стакан воды, но мысли не проясняются.

– Чтобы вещей Дениса в моей квартире, когда вернусь с работы, не было. Ты можешь следом за ним уходить. – Намеренно делаю акцент на слове «моей».

Ну и что с дурой малолетней делать? Прибить Зойку хочется, но больше пожалеть.

Смотрю на стакан, понимая, что выпила бы сейчас что-нибудь покрепче, но я за рулем. Еще Куваев со своими отчетами, жаждой занять место пожирнее и желанием побывать

у меня между ног... Может, правда бросить всё к чертям и улететь в Москву?

– Беременную сестру из дома гонишь? Правильно Генка говорил, что ты оставишь меня без угла! Бессовестная ты, Машка! Почему я его не послушала?

Охренеть. Еще я и бессовестная?

– Вот как раз к Генке и поедешь, там поживешь, заодно и права на свою долю заявишь. Все, что я взяла у тебя на первый взнос, вечером перечислю на карту. Из своей квартиры я никуда не уйду. И если что, Зой, это ты от моего жениха залетела, пока я пахала, в том числе тебе на шмотки с телефонами и институт.

Но дело даже не в деньгах. Бог с ними. Еще заработаю. Разве можно так с близкими людьми? Совсем не понимаю, что происходит в моей жизни и где я свернула не туда. Правильно говорят: не делай добра...

Едва сдерживая слезы, поднимаюсь из-за стола и иду на выход, задев какого-то человека плечом. Слышатся ругательства и брань, а потом меня резко хватают за локоть и ошутимо встряхивают.

– А извиниться вы не хотите, девушка? Вообще-то у меня важная встреча через полчаса. Как мне в таком виде на переговоры ехать?

Вообще-то в таких случаях должен быть запасной комплект одежды с собой. Рубашка там, или брюки, не знаю... Или кофе за столом пить, а не на ходу.

Жар смятения от пристального взгляда незнакомца поднимается к шее, но до щек не успевает дойти, потому что я хочу побыть сейчас одна и мне плевать на проблемы других. Даже если я стала их источником.

– Извините.

Выдергиваю свою руку из мягкого захвата незнакомца и чуть ли не бегом выхожу на улицу, потому что глаза застилает пелена слез, а я не привыкла плакать на людях.

В машине даю волю эмоциям и мне становится чуть легче. Завожу двигатель и хочу выехать с парковки, пытаюсь не задеть дорогуший внедорожник, который стоит сбоку, но, услышав противный скрежет металла, понимаю, что сегодня явно не мой день. По всем фронтам. А когда ко мне направляется тот самый мужчина из кафе, с темным пятном на рубашке и дико недовольным лицом, так и вовсе возникает желание дать по газам и сбежать с «места преступления».

2 глава

Сильно зажмуриваюсь и впиваюсь ногтями в ладонь. Сейчас я обязательно проснусь. Это просто дурной сон. Я устала, много работаю, переживаю стресс за стрессом – вот снится всякая ерунда. Не изменял мне Денис с Зойкой и не беременела она от него, не ревела я сейчас по этому поводу и не портила ничью машину.

Делаю глубокий вдох и, широко распахнув глаза, наблюдаю, как незнакомец в испачканной рубашке приближается к своей машине.

Нет, это не сон.

Даже сомнений не остается, что подбитый боец принадлежит этому недовольному мужику, у которого на лице написано, что он думает о моих навыках вождения. Словно прочитав мои мысли о побеге, незнакомец преграждает путь и смотрит на меня через лобовое стекло, отрицательно качая головой. Внешность у мужчины приятная, располагающая к себе. На бандита не похож, а ассоциации с маньяком все равно проскальзывают. С аккуратностью, конечно, у «маньяка» проблемы, судя по темному пятну на его белоснежной рубашке. Но это тоже по моей вине. Блин... Может, удастся мирно договориться?

Быстро прокручиваю в голове план Б, чтобы поскорее здесь со всем закончить, потому что если работу потеряю,

то не представляю, как и на что буду жить. Не на улицу же идти? Да, мой начальник – похотливый кобель, но где мне будут платить такую высокую зарплату? А Зойкину часть за квартиру чем выплачивать? Пусть они с Денисом по съемным комнатам мыкаются, а я свой угол никому не отдам. Лишь бы сейчас не попасть на круглую сумму. В чем я сильно сомневаюсь.

Бросаю на себя взгляд в зеркале заднего вида. Глаза красные, нос тоже. Губы... Господи, да где эти салфетки? Хотя они уже не помогут. Пусть так все и остается.

Я опускаю стекло, когда незнакомец вплотную подходит к двери. Вновь становится не по себе от его пронизательных глаз: будто он видит меня насквозь и умеет читать мысли. Но как бы там ни было, считывать эмоции у мужика на самом деле получается очень хорошо, раз не дал мне сбежать.

– Второй залет за пятнадцать минут. – Он кивает на бочину своего внедорожника. – У тебя проблемы, милая. Серьезные. Со временем у меня сейчас напряг, поэтому... – Мужчина задумчивым взглядом окидывает свою машину, – сто тысяч за вмятину и содранную краску, пятнадцать – за испорченную рубашку, и расходимся. Это я еще по минимуму оценил твои способы привлечь мое внимание. Был бы в паршивом настроении, влетела бы по удвоенному ценнику.

Даже изображать ничего не приходится, потому что слезы сами наворачиваются на глаза, когда я слышу эту цену и хамский тон незнакомца. Громко шмыгая носом, опять развожу

сырость, но уже красиво. Как это делают в фильмах. Если сбежать не смогла, то нужно хотя бы вызвать жалость, чтобы этот придурок меня отпустил и не требовал баснословные суммы, которых в кошельке и в помине нет. А может, приступ астмы изобразить? Или припадок? Начать соблазнять? В стрессовых ситуациях я всегда туго соображаю. Но сейчас ошибка может дорого стоить. Нереально дорого. Такие траты мне не по карману.

– Извините, – начинаю я, вспомнив, что мужчина обучен манерам и от других требует того же. – У меня сегодня все идет наперекосяк. Босс чуть не изнасиловал. А я и так свожу концы с концами...

Боже, какая чушь. Хотя почти не обманываю. Но понимаю, что это прокол и нужно быть максимально честной.

– А еще жених изменил мне с сестрой, и они просят освободить жилплощадь. У меня сейчас нет такой суммы...

Я смахиваю слезы со щек и, уронив лицо в ладони, слегка развожу пальцы. Наблюдаю, как незнакомец закатывает глаза.

Кажется, слышу ругательства. Ну конечно, не поверил. Хотя я старалась быть убедительной. Совсем его не трогают женские слезы? Бесчувственный сухарь. А с виду ведь привлекательный. Наверное, все же маньяк.

– Заканчивай этот драматический театр. Вытряхивай из кошелька, сколько у тебя есть, и вали отсюда, – произносит мужчина с раздражением.

Блин, лучше бы я сбежала. Бог с этими правами и штрафом. Зато не попала бы на деньги и в глупую ситуацию. Та не бы позвонила в крайнем случае, и она помогла бы мне это все разрулить. А если на парковке стоят камеры видеонаблюдения?

Черт, ну какая же засада. И ведь столько знаков было, чтобы я не ехала на встречу с сестрой, осталась на рабочем месте. Вот что теперь делать? В кошельке как раз пятьдесят тысяч нала. На платеж за ипотеку... Швырнуть их придурку в лицо со словами: «На, подавись, скот»?

– Извините, у меня такой суммы нет, – повторяю я и дышу ровнее, переходя к плану В, раз слезы этого крохобора не трогают.

Может, все-таки сбежать? Где он меня искать будет? Тем более если у него есть деньги на такую машину, то и на ремонт тоже найдутся, правильно? Одно ТО, наверное, стоит, как моя колымага.

– Я впервые оказываюсь в подобной ситуации, – продолжаю, придав голосу мягкости. – И это ведь еще спорно. Может, царапина у вас и до меня была? Давайте мирно всё решим?

Я провожу рукой по вороту блузки и расстегиваю две верхние пуговицы.

Ну, во-первых, на улице жарко, а во-вторых... Вдруг повезет и этот придурочный сжалится? На какие-нибудь сто тысяч.

Незнакомец замечает движение моей руки, ныряет взглядом в декольте и выразительно изгибает бровь.

Господи, надо было продолжать реветь. Зачем только рот открывала? Может, у мужика жена и куча детей, а я тут со своими дешевыми методами обольщения... К тому же должна признать, что актриса из меня никакая.

– Блондинки не в моем вкусе, – безапелляционным тоном заявляет незнакомец.

Словно гвоздями к стене прибивает этими словами. Планы Б и В летят кубарем вниз, когда меня осаживают холодным взглядом темных глаз.

Жаль я на курсы психологии не ходила – больше бы пригодилось. Потому что понятия не имею, что делать дальше. Вызывать инспектора и оформлять европротокол? Боюсь, как бы на еще бо́льшую сумму не влететь, потому что я без страховки, да и права, кажется, забыла на работе.

– Хотя... – иронично ухмыляется незнакомец. – Если ты такая же эмоциональная в постели, то так и быть, десятку скину.

Говорю же: придурок.

– Озвученной суммы у меня с собой нет. – Я застегиваю блузку, чувствуя, что опять хочу выпить чего-нибудь покрепче. – Только половина. И расписка от вас нужна, что претензий ко мне не имеете.

– Расписка и ужин, – поправляет незнакомец и поднимает запястье. Смотрит на часы, потом на свою машину и сно-

ва на меня. — Ладно, мне как раз нужна спутница на вечер. Только приоденься как-то посолиднее, а не в свое скучное и дешевое тряпье. И сиськи так не выпячивай. В приличное место поведу.

Он бросает мне на колени визитку.

Совершенно мне не нравятся тон и повадки этого человека. И это он еще просил, чтобы я за что-то там извинялась? С радостью бы развернулась и с другой стороны ободрала бок его машины.

— И что я должна буду делать?

— Ничего. Прийти со мной в ресторан и желательно молчать.

Незнакомец отходит к своей машине, достает листок бумаги из папки, что-то быстро пишет, а потом показывает мне расписку. Пока вчитываюсь в строчки, он забирает у меня из сумки кошелек и достает из него весь нал.

— А если я не приду?

— Расписка и деньги у меня останутся. Ну и голова человеку дана, чтобы думать, а не совершать ошибки. Если все так херово в твоей жизни, то и садиться за руль не следовало. Когда кого-нибудь насмерть задавила бы, тоже бы плакала и причитала «я не нарочно, отпустите»?

И подумать не могла, что настолько сильно ненавижу мужчин в деловых костюмах и с подобным лоском во внешнем облике, как у этого. Который стоит передо мной и говорит гадкие вещи.

Оставив свой номер и сказав, что буду ждать звонка, я выезжаю с парковки, едва удерживая себя от того, чтобы еще раз не зацепить соседний внедорожник своей колымагой. Поднимаю с колен визитку и вчитываюсь в ровные строчки: Константин Сергеевич Гончаров, помощник депутата Государственной думы.

Желание сбежать действительно становится чуть поменьше. Но и человечности в таких людях должно быть на порядок больше – разве нет? Видел же этот помощник, что я не притворялась в кафе и едва сдерживала слезы, но все равно повел себя, как конченный мудака. А может, все они такие, если брать в расчет поведение моего жениха и босса?

И всё бы ничего. Я даже придумала причину и речь, чтобы избежать еще одной встречи с неприятным человеком по фамилии Гончаров. Договорилась бы с ним о завтраке на нейтральной территории. Только опять все пошло через одно место, потому что день сегодня не мой, и он, к сожалению, еще не закончился.

3 глава

Я уже час смотрю в экран ноутбука и никак не могу сконцентрироваться на документах и работе. Из головы не идут слова Зойки. А когда начинаю представлять ее вместе с Денисом в откровенных позах, да еще на своей кровати, так и вовсе тошнота подкатывает к горлу. Разве отгулы не положены в трудные жизненные моменты?

Нет, рано или поздно Денис бы выдвинул ультиматум: он или работа. Но что таким образом со мной поступит – сделав ребенка Зойке... В голове не укладывается. И как давно Денис спит с моей сестрой? Почему сам не пришел поговорить, а скинул все на плечи сестры? И чтобы я освободила квартиру – это он Зойку надоумил?

Достаю календарь и подсчитываю день цикла. Не хватало еще пойти тем же путем, что и сестра. Но нет, слава богу, беременность мне пока не грозит. На днях должны прийти критические дни, я чувствую все признаки надвигающегося ПМС. Вдобавок к возникшему пиздецу в жизни. Еще и денег в кошельке ни гроша. Впрочем, как и нервов у меня. Зашибись.

Снова набираю Дениса, чтобы услышать от него хоть какие-то вразумительные объяснения, но получаю один и тот же ответ в трубке: абонент временно недоступен.

Впервые за много лет мне нет дела до карьерного роста и

денег. Как будто молнией пронзило от предательства близких людей и весь дух вышибло.

Тихий звук входящего сообщения отвлекает меня от безрадостных мыслей. Быстро читаю строчки и едва сдерживаюсь, чтобы не швырнуть телефон в стену. Куваев. С очередным заданием. На этот раз – привезти кипу бумажек по указанному адресу. Немедленно. А ехать, между прочим, в другой конец города!

Делаю вид, что не получала никакого сообщения, но через пять минут в кабинете появляется Валентина, секретарша Куваева, и недовольно пыхтит, глядя на меня, развалившуюся в кожаном кресле.

– Ты почему Вадиму Михайловичу не отвечаешь? – с претензией в голосе с порога заявляет она.

Беру листок бумаги и, скомкав его в шарик, бросаю в урну рядом с дверью. Мастерство я отточила до идеального и теперь всегда попадаю с первого раза.

– Я с кем разговариваю, Маш? – строго повторяет Валентина.

– Мария Анатольевна, – поправляю ее. – У нас в компании с подачи Вадима Михайловича теперь принято обращаться к сотрудникам по имени и отчеству.

– Мария Анатольевна, Вадим Михайлович попросил меня передать, чтобы вы отвезли в ресторан, где у него через час будет деловая встреча, последние отчеты и договоры по сделкам.

– Сейчас отвезу, – безразличным тоном заключаю я и комкаю в руках новый шарик, а затем метко кидаю его в урну.

– К тебе уборщица, что ли, не приходит? – спрашивает Валентина, заметив, что таких шариков накопилось немало и они вот-вот начнут выпадать из корзины.

– Если ты про это... – киваю на урну, – то я решила закидывать в нее маленький бумажный шарик каждый раз, когда меня кто-то бесит. Нурсалана в курсе этой забавы и поэтому ничего не трогает. Не вздумай ее отчитывать.

– Кто-то бесит? – сощурившись, переспрашивает Валентина. – Это ты на меня, что ли, намекаешь?

– Да прям, на тебя, – хмыкаю я. – Куваев меня бесит своими бесконечными подкатами и тем, что заваливает работой.

Повисает долгая пауза.

– И за какой промежуток времени накопилась эта куча бумажек? – Валентина опять сосредотачивается взглядом на мусорном ведре.

– За три дня.

– Неужто так плохи дела?

Отвратительно плохи, но кому до этого дело?

– Водитель есть свободный? – спрашиваю я.

После сегодняшних новостей и происшествий не хочу больше садиться за руль, а на такси денег нет. На карте тоже почти ноль, а еще надо на что-то хлеб купить да колготки. Дожила. Осталось побирушкой на привокзальную площадь податься. Я опускаю глаза на ноги: чулки вроде еще целые,

даже зацепок нет. Рано на вокзал. Но в случае чего, знаю, куда идти: бабушка всегда говорила, что у меня сильный голос, а я давно заприметила симпатичного юношу в переходе метро неподалеку от нашего дома. Он такие красивые мелодии играет. Напрошусь к нему в солистки.

– Кажется, Валера был свободен, сейчас узнаю. И ради бога, отведи ты Куваеву эти документы, а то опять будет орать на всех. Три таких урны с шариками накопишь за один день, если его не утвердят в новой должности.

– Валь, – окликаю я, когда она уже подходит к двери. – А номер жены Куваева у тебя есть?

– Что? – Валентина озадаченно смотрит на меня и хлопает ресницами. – Зачем тебе? Ты что удумала, Машка? Выбрось глупости из своей головы и не связывайся с этой семейкой. Ничего я тебе не дам.

– А когда Куваев зажмет меня в своем кабинете и под юбку полезет, полицию вызовешь? – на полном серьезе спрашиваю я.

– Что?

– Понятно. – Переключаю внимание на ноутбук, чтобы зайти в программу и отсканировать необходимые документы.

– И да, к Перченко зайди за печатью. С собой возьми на всякий случай.

Вроде ничего плохого Валентина мне не сделала и всегда пытается поддержать, но лучше бы дала телефон жены Ку-

ваева. Я бы ей позвонила и сказала, что ее муж – похотливая сволочь. Глядишь, она бы устроила ему скандал. Не мне же заниматься перевоспитанием кобелей. Я вон и так сегодня попала на деньги, еще и на уголовную статью – неохота.

Всю дорогу до ресторана Валера пытается со мной заговорить, но у меня совершенно нет настроения. Да и откуда ему взяться?

– Постой. – Меня осеняет. – А в «Калипсо» у Куваева с кем встреча?

– Да откуда мне знать, Маш, – пожимает Валера плечами.

А что, если этот женатый бык-осеменитель решил таким образом добиться моего расположения и ни с кем никакой встречи в помине нет? Ага, и Зойку до кучи подослал с пламенной речью, что она якобы беременна от моего Дениса. Нет, Куваев не стал бы так заморачиваться. Скорее всего, бумаги ему действительно понадобились и мне можно не опасаться за свою честь.

– Тебя ждать? – спрашивает Валера, паркуясь у ресторана.

– Сейчас. Погоди минутку. – Я отвлекаюсь на входящий звонок, думая, что это Куваев, но вижу незнакомый номер.

Достаю визитку Гончарова из кармашка сумки и разочарованно стону. Я надеялась, что этот человек не позвонит. И как он узнал мой настоящий номер? Тот, что я продиктовала ему несколько часов назад – неправильный. Но учитывая его возможности, это вовсе и не проблема. Наверное и адрес мой теперь знает, маньячелло.

– Да, алло, – отвечаю спокойным голосом, мечтая, что получится отвертеться от вечернего сопровождения этого мужчины куда бы то ни было.

– Через пятнадцать минут заеду за тобой, назови адрес, – произносит он вкрадчивым голосом с низкой вибрацией.

Ни здравствуйте, ни до свидания, ни вопроса «Всё ли у нас в силе?».

– К сожалению, я не смогу составить вам компанию на вечере. – Несмотря на то что знаю имя и отчество Гончарова, язык не поворачивается произнести их вслух.

Кажется, опять слышится недовольный вздох и что-то похожее на ругательства.

– Расписку я порву. И еще полтинник за тобой висит. К сожалению, – чеканит Константин Сергеевич.

Еще полтинник? Но я ведь не умышленно испортила вещи!

– Я действительно не могу. У меня расстройство желудка, – выпаливаю ложь без запинки. – Надеюсь, подробностей не нужно, чего вам будет стоить выход со мной в люди?

– Неужели так перенервничала? – Гончаров как-будто прищелкивает языком.

Я даже на настоящее расстройство желудка согласна, лишь бы сегодня меня все оставили в покое. Еще чуть-чуть, и нервное напряжение выльется в истерику, если не дать волю накопившимся эмоциям и слезам.

– И давайте будем честны, – продолжаю я на тон тише,

а то больной и слабый человек вряд ли станет говорить так бойко. – Та царапина не стоит этих денег. А я вовсе не шутила про домогающегося босса и жениха-изменщика. И уж тем более не пыталась привлечь ваше внимание. За что такие нереальные суммы?

Повисает пауза. Кажется, что Гончаров сбросил звонок. Убрав телефон от уха, я смотрю на дисплей. Нет, Константин Сергеевич еще на линии. К несчастью.

– Хорошо, я всё понял. – Он даже не скрывает легкую иронию и то, что опять мне не поверил. – Жди звонка юриста и готовь оставшуюся сумму.

Вот теперь разговор точно завершен, потому что слышатся короткие гудки, а после воцаряется звенящая тишина.

Ну вот за что мне все это? Неужели за план В и демонстрацию декольте? Хотя, может, оно и к лучшему, что так? Хрен с этими деньгами. С зарплаты верну вредному крохобору все до копейки. Пока, правда, ума не приложу, где взять столько, чтобы вернуть еще и Зойке часть за квартиру.

В ресторан я чуть ли не вбегаю, потому что Куваев не перестает названивать и требует моего немедленного появления.

– Вас только за смертью посылать, Мария Анатольевна, – зло выплевывает он, когда я вхожу в vip-комнату и кладу папку на стол. – Последние проводки, надеюсь, не отразили в отчетах?

– На полтора и два миллиона, которые мы отправили на-

шим «дочкам»? – нарочно игнорируя его недовольный тон, с невинными глазами уточняю я. Знаю наверняка, как босса выбесят эти слова.

Куваев поднимает на меня красноречивый взгляд.

Мне совсем не нравится, как новое начальство ведет бухгалтерию филиала. Ладно сесть за тяжкие телесные, но за мошенничество в особо крупных размерах – такого счастья мне не надо. С предыдущим боссом в разы спокойнее было работать.

– Мария Анатольевна, мне рекомендовали вас как хорошего специалиста, который знает толк в своем деле. В свои двадцать шесть вы очень многого достигли. Не каждый занимает такие высокие должности и получает приличную зарплату, – начинает Куваев читать нотации, жирно намекая, как нужно ценить то, что меня не уволили после смены руководителей филиала. – Сбавьте обороты, если не хотите оказаться на улице.

– В прошлом месяце меня вызывали в налоговую. Благодаря грамотному ведению мной документооборота и знанию законов, к вам никаких претензий теперь не имеется. И дальше не возникнет вопросов, если мы не будем друг друга обижать, – пафосно отвечаю я.

Да и пофиг. Пусть увольняет! Сколько можно терпеть эти унижения? Поеду покорять Москву. Продам квартиру, если банк даст согласие, выплачу Зойке ее кровные, и пусть барствует. Может, на новое жилье, размером с коробку из-под

холодильника, ей как раз и хватит этих денег.

— Всё, возвращайтесь на рабочее место, Мария Анатольевна, — с еще большим раздражением говорит Куваев. — И будьте на телефоне. Возможно, мне еще понадобится какая-то информация и документы.

Наверное, поэтому босс дальше намеков на интим и не заходит. Прекрасно понимает, что я много знаю и в случае чего могу больно схватить его за яйца. Конечно же, в переносном смысле, потому что даже фантазии о том, что придется прикоснуться к его гениталиям хоть пальцем или увидеть их, хватает, чтобы вызвать у меня противную тошноту.

Едва сдерживаюсь от желания выбесить Куваева еще больше и спросить: «А спать мне когда?». Но решаю не подливать масла в огонь. Судя по тому, как босс нервничает, встреча у него действительно важная.

Я направляюсь к выходу, лелея надежду, что через пару часов наконец-то смогу поехать домой, как вдруг сталкиваюсь в дверях с Гончаровым, тем самым жадным придурком, которому несколько минут назад врала по телефону, что страдаю расстройством желудка и мне нужно отлежаться.

Константин Сергеевич громко хмыкает, узнав меня, и ироничная усмешка трогает его сжатые губы. В глазах появляется дьявольский блеск. Вот сейчас Гончаров и впрямь похож на опасного маньяка.

Он переводит взгляд мне за спину, потом опять на меня и

отрицательно качает головой, в который раз каким-то образом считывая мои мысли о побеге.

4 глава

– Не торопись, – подает голос Гончаров, закрывая за собой дверь. Почему-то на замок и при этом спрятав ключ в кармане брюк.

Тут же становится дурно от мысли, что обсуждать эти двое сейчас будут вещи, которые мне слышать не нужно. Я и так должна Гончарову деньги и нахожусь на интимном счету у своего босса. Стать свидетелем подобной сцены означает для меня – получить новые неприятности. Хотя, может, все обойдется и я себя накручиваю?

Но так я думаю ровно до того момента, пока Куваев не начинает что-то быстро говорить подошедшему к нему Гончарову. И резко замолкает, потому что получает от своего гостя удар по лицу той самой папкой, которую я везла из офиса почти через весь город.

Куваев мешком падает на пол, а я делаю шаг назад, чувствуя, как обрывается сердце в груди, и понимая, что ничем хорошим для меня это все сейчас не закончится.

– Что вы делаете?.. – обращаюсь к Гончарову, наконец выдавив из себя хоть какие-то слова.

Но он не обращает на меня внимания. Присев на корточки, приподнимает за грудки Куваева и, подождав, когда тот немного придет в себя, снова бьет его по лицу. На этот раз уже сильнее и с таким хладнокровием и безразличием, будто

только этим и занимается по жизни – выбивает из людей дух. Теперь до меня доходит, что Константин Сергеевич никакой не помощник депутата, а самый настоящий маньяк. Похоже, я не ошиблась.

– Кресло руководителя тебе, Вадик? – Гончаров поднимается на ноги и смачно сплевывает на пол. – В тюрьму отправишься, гнида. А если тебе представится возможность позвонить Антипову, то передай второй гниде, что он следующий. До каждого доберусь, суки. Думаешь, четыре года в тишине жили, по глубинкам рассредоточились, и я спустил всё на тормозах? Не спустил.

Гончаров поднимает папку с пола и, открыв ее, медленно листает бумаги. По напряженным плечам и тому, как сдвинулись густые черные брови, делаю вывод, что этому человеку не нравится увиденное. У него какие-то личные счеты с Куваевым? Но ведь я не имею к этому никакого отношения, правильно?

– Пожалуйста, дайте мне уйти. Я сделаю вид, что ничего здесь не слышала и не видела, – прошу я, пыхая к двери и пытаясь отвести взгляд от босса, который лежит на полу и не подает признаков жизни. – Мне никакие деньги и расписки от вас не нужны. Ничего не нужно.

Господи, куда я влипла? Только криминальных разборок не хватает для полной радости. К тому же в документах прослияние совсем другие фамилии мелькали. Никакого Гончарова и в помине не было.

– Уйти? Как раз наоборот. Мне очень даже на руку, что ты здесь была, – после долгой паузы произносит Гончаров. – Говоришь, босс предлагает тебе интим и пытается склонить к сексу? Вот у кого-то и не выдержали нервишки, правда? – Бросив быстрый взгляд в сторону распластавшегося на полу Куваева, он поднимает на меня насмехающиеся глаза.

Намекает, что это я нанесла Вадиму Михайловичу такие удары? Но это невозможно!

Отрицательно качаю головой:

– Я не трогала его и пальцем, это всё вы...

Гончаров досадно прицокивает языком.

– Здесь наверняка есть камеры видеонаблюдения...

– Третий залет, милая. Ничего здесь нет. Персонал я купил.

И правда залет. Третий. Даже не знаю, какой был бы лучше: настоящий, как у Зойки от Дениса, или так... Господи, какая же я дура! И почему сразу не сбежала? Вот что теперь делать?

– Общак где хранится? – спрашивает Гончаров обманчиво спокойным голосом.

Но я без понятия, о чем идет речь. Вряд ли о тех мизерных суммах, которые не отражены в документации.

– Хотя ладно, – задумчиво хмыкает он, – не суть. Мне нет дела до денег Куваева. – Швыряет папку на диван. – Но обязательно изучу подробнее, только в спокойной обстановке, а что не пойму – подскажешь. Черную бухгалтерию тоже ты

ведешь или другой человек? – Гончаров вопросительно приподнимает бровь.

Какую черную бухгалтерию? И что я должна подсказать? Я ничего не знаю!

Не дождавшись ответа, Гончаров достает телефон из кармана брюк и звонит в полицию, сообщая о нападении на девушку и попытке изнасилования. Называет адрес ресторана, в котором мы сейчас находимся. После этого еще кого-то набирает и говорит, что можно списывать со счетов Куваева и готовить почву под Антипова.

До меня не сразу доходит, кто будет этой изнасилованной девушкой и что укажут в протоколах полицейские. Но когда Гончаров сосредотачивает на мне оценивающий взгляд, накатывает паническая волна ужаса. Нет, не верю... Кому-то, как Зойке, ребенок, квартира, свадебное платье, а мне очередной треш и убитые в хлам нервы?

– Вы же не станете этого делать, правда? – бормочу я, продолжая пятиться назад, не в силах отвести глаз от Гончарова, пока он наступая на меня.

Упираюсь лопатками в стену, чуть не споткнувшись о папку на полу, и понимаю, что всё. Это конец.

– Не трогайте меня, я буду кричать. – Выставляю руки вперед.

– Желательно громко, чтобы персонал ресторана это услышал.

– Вы не посмеете...

– А кто мне помешает? – перебивает Гончаров с самонадеянной ухмылкой.

Пока мозг усиленно обрабатывает информацию и ищет выход из сложившейся ситуации, организм сам подсказывает, как поступить: из глаз брызгают слезы. Инстинкт самосохранения никто не отменял. В чем-то я блондинка до мозга костей.

– Совсем вам, что ли, безразличны мои страдания? Не трогают душевные переживания? Оставьте меня в покое. Я не нарочно испортила вашу машину. И к темным делам Куваева не причастна, всего лишь веду юридическую и бухгалтерскую документацию. Отпустите меня... – срывается на шепот мой голос.

Толчок – и Гончаров вжимается в меня всем телом, а затем разворачивает лицом к стене. Я даже не успеваю ничего понять. Могу лишь чувствовать нарастающее волнение.

– Ну почему же безразличны? – Он упирается эрекцией мне в ягодицы. – Немного заводит.

Ничего себе «немного»! То, что сейчас в меня упирается, явно очень внушительное.

Гончаров проводит свободной рукой по моему животу и забирается в вырез блузки. Ощутимо сжимает грудь, а затем безжалостно рвет ткань, вызывая у меня новую волну паники и дрожи.

– Ты же говорила, что будешь кричать. И?..

Хочу возмутиться, но чувствую, как Гончаров прикусыва-

ет мочку моего уха и опускает руку ниже, уже ощупывая мои бедра и удерживая пальцы на резинке чулок.

– Электронный адрес в записке, которую ты носила в кошельке, принадлежит компании одного моего хорошего знакомого. Оказывается, ты прошла там собеседование. Так вот, получишь это место с надбавкой к жалованию, если окажешь мне пару услуг. Первая: дашь сейчас показания следователю, что тебя грязно домогались, но ты защищалась, а я пришел на выручку. – Гончаров рвет на лоскуты оставшуюся на мне одежду. – Куваеву и так светит срок, а я хочу, чтобы он сел наверняка, и все для этого сделаю.

– А вторая услуга?

– Вторая? – Он поворачивает к себе лицом и оглядывает мой потрепанный вид.

Опустив глаза, я замечаю оттопыренную ширинку на брюках Гончарова и понимаю, что подразумевается под второй услугой.

– Если откажешь, то это тело... – Быстрый кивок на Куваева, – выйдет через какое-то время на свободу под подписку о невыезде и сделает с тобой то, что ты сейчас расскажешь следователю. А я не буду тебя защищать и не приду на помощь.

Я глубоко вдыхаю накалившийся между нами воздух.

– А как же блондинки не в вашем вкусе?

– На раз сойдешь.

Еще толчок, и теперь Гончаров вжимается эрекцией мне

в живот, а потом целует меня в шею.

Коленки тут же подкашиваются от того, насколько горячие его губы.

Меня жених бросил, на моих глазах босса чуть не убили, этот маньяк просит дать ложные показания и обещает поиметь, а я думаю о бегаящих мурашках на коже? Точно сумасшедшая...

– И что я получу взамен? – спрашиваю, глядя в потемневшие глаза и чувствуя страх вперемешку с интересом.

Гончаров, чуть склонив голову и прищурившись, задумчиво наблюдает за мной.

– Явно больше, нежели останешься в своем Задрипинске ждать, когда кто-то из последователей Куваева тебя дождет и отымеет во все щели за такую подставу. Это в лучшем случае. А в худшем... Наверное, и так догадываешься?

– Тогда не вижу никакой разницы, кем и когда быть использованной. – Я высоко вздергиваю подбородок, пытаюсь сохранить хоть крупицы гордости, которую очень настойчиво норовят растоптать.

Предпринимаю попытку вырваться, но Гончаров, сжав в кольцо сильных рук, прижимает меня к себе и берет в плен мои губы. В голове почти тут же вспыхивает безумие, а по телу проносится горячая волна.

Он отстраняется через мгновение, будто между нами ничего и не было.

– Вот и договорились. Перед Рафиком замолвлю за тебя

словечко, когда все мои хотелки исполнишь. Уж он точно не обидит ни деньгами, ни должностью.

Мне совсем не нравится это предложение. Совершенно. Но оно сделано таким образом, что либо сбегать и прятаться от Куваева и его людей в одиночку, либо быть с Гончаровым, выполняя прихоти этого маньяка. В этом вроде хоть какая-то определенность.

Хотя какая уж тут определенность? Правильнее сказать: абзац.

Да, именно так. В твоей жизни наступил абзац, Машка. И как теперь быть?

5 глава

Еще никогда мне не было так стыдно, как несколько минут назад в кабинете у следователя. Но теперь в разы страшнее за свое будущее. Днем я пыталась дозвониться до Дениса, планировала закатить ему скандал и, когда вернусь с работы, выгнать их с Зойкой на улицу, а сейчас ничего из перечисленного не хочу. Закрыться бы в своей комнате и побыть в тишине, чтобы переварить случившееся. Кто бы мог подумать, что день закончится так ужасно.

Поворачиваю голову и наблюдаю, как Гончаров сидит в расслабленной позе и, положив одну руку на руль, курит. Медленно, с наслаждением. У меня возникает желание потянуться к бардачку за пачкой с зажигалкой и тоже закурить. А еще лучше – выпить. Словно прочитав мои мысли, Гончаров оборачивается назад и шарит на заднем сиденье рукой, зажав сигарету в зубах, а потом протягивает мне начатую бутылку с темной жидкостью.

– Пей, – заполняет тишину в салоне тихий и спокойный голос.

В любой другой ситуации я бы отказалась, но сейчас чувствую, что необходимо снять нервное напряжение. А потом лечь спать. Желательно в свою кровать и в одиночестве.

Смотрю на широкую руку с браслетом часов и ничего, кроме как желания впиться в нее зубами, не испытываю. Тем

не менее беру бутылку и прикладываюсь к ней. Несколько глотков хватает, чтобы почувствовать внутри обжигающее тепло и крохи расслабленности.

Я возвращаю Гончарову бутылку и прикрываю грудь руками, потому что этот маразматик заинтересованно наблюдает за мной и даже не пытается этого скрыть.

– Завтра утром съездим в участок, а потом я подключу помощь посерьезнее. Дергать тебя больше не будут, – заверяет Константин Сергеевич, задерживая глаза на моем декольте, и довольно приподнимает уголки губ.

А мне вот совсем не смешно. Вспоминаю, как Гончаров прижимался ко мне своей эрекцией, и по телу пробегает новая волна дрожи. Явно не от возникшего желания. Только если – вцепиться этому придурку ногтями в лицо.

– Интима между нами не будет, – изрекаю я, не обращая внимания на его разглядывания. – Достаточно того, что меня сейчас осмотрел врач и я дала ложные показания. Хотя про жениха не обманывала: он с моей сестрой переспал и сделал ей ребенка, пока я работала допоздна в офисе. Разве это справедливо, что кому-то в жизни достанется что-то хорошее, а со мной вот так?.. – Обвожу салон дорогой машины взглядом, намекая, что меня удерживают в ней шантажом.

Даже не знаю, как обращаться к человеку, который сидит напротив. На языке крутятся одни ругательства.

– Ты мне отвратителен, потому что заставил лгать, – вырывается у меня.

Когда я под градусом, то не получается держать язык за зубами. И выкать этому придурку я больше не собираюсь.

Гончаров громко хмыкает. На бесстрастном лице появляется подобие усмешки.

– За успех, милая, всегда приходится платить. Часто – личными интересами. Но это не самое страшное, что могло случиться в твоей жизни. Если бы ты вышла замуж за своего козла и родила от него детей, а потом узнала, что он ходок, было бы гораздо хуже и неприятнее, согласишься.

На языке опять крутятся ругательства.

– Поехали, заберем твои вещи, и в отель. Я дико устал и хочу спать, – выдает Гончаров и нажимает кнопку запуска своей навороченной машины.

Я растеряннo смотрю на него и молчать уже не могу:

– Что значит «заберем твои вещи, и в отель»? Я с тобой никуда не поеду. Домой меня отвези, – озвучиваю версию с цензурой.

– Уверена? – Гончаров игнорирует мой пренебрежительный тон. – Завтра утром движ начнется. Люди из Москвы приедут по мою душу. Про тебя тоже узнают и, скорее всего, захотят пообщаться.

– Люди из Москвы? – переспрашиваю я сиплым голосом. – Пообщаться? Зачем?

– А сама как думаешь? – усмехается Гончаров с гаденькой улыбкой.

«Козел, во что ты меня втянул?» – чуть не срывается с

языка, но каким-то чудом я удерживаюсь от этой вызывающей реплики.

– Дело с Куваевым я доведу до конца, – невозмутимо продолжает Константин Сергеевич. – Вадик сядет. И надолго. Чтобы ты знала: люди, которые приходят мне на выручку, за бортом не остаются. В отличие от тех, что создают проблемы и допускают серьезные промахи. Так что определяйся на берегу: со мной в Москву едешь или в свободное плавание отправляешься, в независимом и гордом одиночестве. У меня нет времени на уговоры и страхование незнакомых девиц от несчастных случаев в их жизни.

– Конечно, какие могут быть уговоры? Подумаешь, мелочь! Доломал остатки моей жизни, превратив ее в руины, а в случае чего теперь можно меня шантажировать, потому что дала ложные показания, правда?

– На, еще выпей, – протягивает Гончаров бутылку. – Может, тебя вырубит. Жужжишь, как надоедливая муха. Один хрен мозги включить сейчас не можешь, так мои не выноси, – с раздражением произносит он.

Не знаю, каким образом сдерживаюсь, чтобы не разбить эту бутылку об его голову. Однако чутье подсказывает, что нельзя этого делать.

– Домой. Меня. Отвези. Немедленно, – чеканю я и отталкиваю руку Гончарова, отказываясь от новой порции алкоголя.

Кажется, Константин Сергеевич обзывает меня душой.

Впрочем, так оно и есть. Но если уж меня и ждет какой-то треш, то лучше сразу об этом узнать, а не делать вид, что меня ничего не касается. Коснулось. Причем во всех смыслах этого слова. И еще раз пообещали коснуться. Если не дать решительный отпор этому придурку.

Машина плавно трогается с места и отъезжает от полицейского участка.

– Я не называла адрес, – говорю, когда автомобиль сворачивает в знакомый проулок.

Гончаров ничего не отвечает. Разблокировав замок, показывает мне глазами на дверь, и сам выходит на улицу.

– Ты собираешься со мной пойти? – недоумеваю я. – Зачем?

– Подтвердить кое-какие догадки.

– Думаешь, я наврала про сестру и жениха? Специально это придумала, чтобы разжалобить тебя?

– Как ты еще дожила-то до стольких лет со своим примитивным мозгом, истеричка? – доносится до меня шипящий шепот.

На мгновение застываю на месте, глядя в удаляющуюся спину Гончарова, и едва не захлебываюсь воздухом от возмущения. Это я истеричка? После всего, что он учинил в ресторане? Жаль, Зойка ему вместо меня не попалась. Тогда бы он осознал масштабы случившейся катастрофы. А я так, мелкая проблема. И уж явно не с примитивным мозгом: лучшая была на потоке и экстерном закончила институт.

– Ты идешь? – спрашивает Гончаров нарочито громко и не оборачиваясь.

Поднявшись на третий этаж, я рыщу в сумочке в поиске ключей.

– На порог я тебя не пущу, ясно? Достаточно того... – Осекаюсь, потому что не могу вставить ключ в замочную скважину и попасть в квартиру.

Не верится, что Зойка сменила замки. От шока пытаюсь снова, но ничего не выходит.

– Никак? – спрашивает Гончаров и победоносно смотрит на меня сверху вниз. – Как я и предполагал. Эту проблему я могу решить в два счета. Естественно, в твою пользу. Но оно тебе надо? Сейчас же начнутся суды, дележка имущества, разборки. А в Москве ты за пару лет на два таких подвала заработаешь.

Я таращу глаза с закрытой двери на Гончарова и обратно.

– Вообще-то у меня там личные вещи. Это моя квартира, и я не собираюсь менять ее ни на какие московские подвалы. – Нажимаю на звонок и жду, но ожидаемо в ответ тишина. – Да у меня даже одежды с собой нет, а ту, что на мне, ты всю разорвал! – возмущаюсь я и пинаю носком туфли закрытую дверь, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

Зато Гончаров довольно улыбается. Хотя я не вижу причин для радости. Ни единой!

– Визитка моя у тебя есть. Адрес отеля ты знаешь. Когда амбалы из Москвы найдут тебя и повезут за город для при-

ватного разговора, забудь о моих предложениях. – Он развивается и идет по ступеням вниз.

Боже, и как теперь быть? Если стану шуметь на лестничной площадке, то соседка, повернутая на всю голову старуха, вызовет полицию, а после скандала будет распускать сплетни, что я выкинула из квартиры беременную сестру. О спокойной жизни в этом доме можно забыть навсегда. Или до тех пор, пока сумасшедшая бабка не отдаст концы. Да и заново в участок ехать как-то не хочется. Тем более в таком виде. Хватило одного раза. Достаточно.

В таком состоянии, как у меня, мозг и впрямь похож на желе. Ничего лучше не придумав, я спускаюсь вниз и подхожу к машине Гончарова. Открываю пассажирскую дверь и забираюсь на сиденье.

– А зачатки мозга все-таки имеются, – тянет он таким голосом, будто нарочно издевается. – Это радует. – Окидывает задумчивым взглядом мою блузку. – Приодеть бы тебя, чтобы прелестями не светила. Секса у меня давно не было.

Гончаров бесцеремонно кладет руку на мое колено, и я тут же вздрагиваю, собираясь выбежать на улицу, но хватка мужских пальцев становится сильнее, давая понять, что обратной дороги нет.

Все-таки я дура. Которая попала в безвыходную ситуацию и боится остаться один на один с кучей проблем.

– Не трясись. В Москву поедем. Там нас ждут великие дела. Ограбим несколько банков, вскроем счета нехороших

людей, выйдем пару раз в свет, и будешь свободна, Бонни.

– Эта парочка плохо закончила. Я так не хочу. У меня в планах прожить долгую и счастливую жизнь.

– Замечательно. – Гончаров отпускает мою коленку и протягивает мне бутылку с виски. – Выпьешь всё до дна и сегодня точно не умрешь. По крайней мере, от моей руки.

– Что? – Я непонимающе на него смотрю.

– Я не психотерапевт и не психолог, душу мне изливать не надо. Выпей, чтобы не жужжать над ухом и не нервировать.

Становится до ужаса обидно от такого обращения и слов. А если я поговорить хочу?

– Тогда со мной лучше поступить, как с Куваевым. – Киваю на папку, которая лежит на заднем сиденье. – Заодно до спальни потом донесешь и сделаешь все, что тебе нужно, – намекаю на то, что интимом Гончаров займется со мной, только если я буду в бессознательном состоянии.

Он задерживает темные глаза на моей груди, а потом чувственные губы дергаются вверх в ухмылке:

– Донесу, милая, не переживай. Но чуть позже. Спать хочу, да и пьяные тела в полуистеричном состоянии я не трахаю.

6 глава

Глаза слипаются, как я хочу спать. Или это от дозы вли- того в меня алкоголя. Ну а что, поводов выпить сегодня бы- ло предостаточно. Если так и дальше пойдет, то впору ехать кодироваться. Чувствую, компания этого мужчины пошат- нет мое психическое здоровье. Можно было бы оказать Гон- чарову встречную услугу, но страшно, что его «друзья» из Москвы еще более отмороженные люди, чем он сам. В новые передряги попасть совсем не хочется.

– Нормально ты к ней присосалась. Балуешься периодами, да? – раздается над ухом голос Гончарова.

Еще и наглости хватает попрекать тем, что сам же сунул мне в руки бутылку.

– Здравствуйте, меня зовут Мария, и я алкоголичка, – ста- раюсь говорить бойким голосом, но выходит как-то не очень.

Даже напиться по-человечески не могу, потому что виски закончилось. А я хочу продолжения банкета.

– Ты помнишь, что попала на бабки и ведешь черную бух- галтерию у человека, которого я собираюсь посадить в тюрь- му, а следовательно, и тебя может задеть рикошетом? – на- поминает мне Гончаров на полном серьезе.

Проверяет степень моей адекватности? Всё ли у меня с ней хорошо? Просто замечательно с ней всё. Впрочем, как и с памятью. Даже когда я под градусом.

– Имей в виду, если прикоснешься ко мне, то я буду кричать и звать на помощь, понял?

Я и так из последних сил сдерживаюсь, чтобы не плакать и не причитать. И вовсе не потому, что мне пригрозили смертью, а потому что устала. Да и при посторонних людях показывать свои эмоции не хочу. Я не размазня. А если начну умышленно истерить, то оказаться на улице в таком потрепанном виде и без денег, да еще в ожидании встречи с людьми из Москвы... Ну нет, я вовсе не дура, как думает обо мне Гончаров. И он еще обязательно пожалеет о своем решении поиметь с меня выгоду. «О-бя-за-тель-но», – даю себе обещание. Жаль, что в жизни мне ничего не достается просто так, и случившееся сегодня это только подтверждает.

– Тебе точно хватит. Уже мелешь всякую ерунду.

Похоже, последние слова я произнесла вслух.

– Хотя тут уже и так ничего нет, – хмыкает Гончаров, забрав пустую бутылку из моих рук, и бросает ее назад.

Кажется, она там не одна, судя по звону соприкоснувшихся стекляшек.

– Константин, а вы поэтому представились ненастоящим именем? Нам ведь предстоит вместе ходить в группу анонимных алкоголиков. Постеснялись, да? – намекаю я на залежи бутылок на заднем сиденье. – Вы, оказывается, тоже пьяница? – ерничаю, даже не пытаюсь это скрыть.

– Анонимных? Нет. Шифроваться – это не про меня. Идем. – Гончаров указывает мне на выход.

Я выбираюсь из машины и, пошатнувшись, понимаю, что спикирую сейчас на асфальт. Видимо, понимаю я это не одна, потому что сильные руки удерживают меня и прижимают к себе, едва успеваю сделать шаг.

– Ну и? Что не вопишь, как сирена? – спрашивает Гончаров.

– Сейчас я не буду кричать, – произношу, чувствуя, что кружится голова и немного подташнивает. – Кажется, в таком состоянии я смогу выдержать твои прикосновения. Но прижимать к себе крепче и приставать не советую, а то рубашку опять испачкаю: выпила сверх нормы. Кстати, сколько я тебе должна? С тебя причитается в тройном размере. За моральный ущерб. Я еще никогда так не напивалась, и меня никто до тебя не брал силой.

Слышится протяжный вздох, и объятия на моей талии становятся сильнее, причиняя ощутимую боль.

– И вообще, неужели ты думаешь, что это я всерьез с блузкой и декольте? Я полагала, что ты предложишь вечером встретиться, но я не приехала бы, ясно? У тебя, оказывается, ни жалости, ни совести, ни сердца не имеется. Еще и алкоголь. Вены покажи. А то, может, ты и наркоман ко всему прочему?

– Молнию на ширинке сейчас дерну вниз и другое покажу, если не заткнешься. Просто поразительно, как ты прошла собеседование в компанию к моему другу. Неужели они так сильно снизили планку отбора? Погоди, а ты на какую

вакансию подавала анкету? Уборщицы?

– Всё ты прекрасно рассмотрел и знаешь, на какую должность. Еще и адрес мой запомнил, – произношу я заплетающимся языком, на что слышу короткий смешок, потому что выговорить длинные слова четко не получается.

Но зато появились бесстрашие и безразличие ко всему происходящему. Жаль, что это временное явление. Поутру мой героизм превратится в тыкву.

– Ничего, на будущее будет тебе урок, что инициатива наказуема.

Сил спорить нет, а в лифте меня окончательно вырубает, и глаза я открываю, когда меня кладут на кровать. Пытаюсь встать, – или это только мысленно – чтобы закрыть дверь в свою комнату, но, едва подняв голову от подушки, заваливаюсь обратно, чувствуя, как мне плохо. Сейчас и впрямь нет дела до того, что со мной сделает этот придурок. Да пусть и сексом займется. Только желательно, чтобы наутро я об этом не вспомнила.

В первую секунду после пробуждения темнота в номере кажется бездушной, но это обманчивое впечатление, потому что, повернув голову, я замечаю рядом спящего Гончарова.

Новый день сразу зарекомендовал себя не самым лучшим образом. Кажется, сегодня среда, если меня не подводит память.

Сажусь в кровати и осматриваю себя. Следов того, что меня раздевали и занимались со мной сексом, – нет. Между ног

тоже не тянет и не болит. Это радует. Лишь немного ноют те места, к которым вчера Гончаров особенно интимно прикасался. Даже синяки появились.

Несколько мгновений я наблюдаю, как он спит на животе, свесив одну руку вниз, а вторую вытянув вдоль тела. Симпатичный же с виду мужчина. Пока рта не откроет и не начнет вести себя как скотина.

Выбравшись из-под одеяла, которым меня заботливо укрыли, я ищу свою сумочку с телефоном. Хочу проверить вызовы и набрать Зойку. А лучше бы, конечно, доехать и выцепить эту дуру, чтобы потребовать от нее объяснений и дубликат ключей. На какие шиши она будет жить и чем ипотеку платить, тоже не будет лишним спросить.

Сумочки и телефона не нахожу, но замечаю на столе бутылку виски. Это для меня? Я пить больше не буду. Но это не точно. Бесспорно, воспринимать действительность так оказалось гораздо проще и легче. Вспоминаю о словах Гончарова, что он не трахает пьяные тела. Намек, чтобы я сделала выбор до того, как он проснется? Решаю для начала принять душ, а потом еще раз вернуться к этому вопросу. Стараюсь делать все тихо, без лишнего шума. Из плюсов: номер шикарный и вид из окна открывается потрясающий. Из минусов: я без понятия, что меня ждет.

В ванной нахожу комплект полотенец, халат и тапочки. Отлично. После вчерашнего осмотра врачом я моюсь с особым наслаждением. Хотя прекрасно осознаю, что это чрева-

то сексом с женщиной, которой спит сейчас в соседней комнате. Поэтому не задерживаюсь в душе надолго и тешу себя надеждами, что успею налакаться виски до того, как Гончаров проснется. Ну и должна признать, что есть определенная прелесть, в том, чтобы пить утром в среду. У меня давно не было отпуска. Почему бы не начать его таким образом? Будем считать, что я заслужила свой отдых. Пьяное кокетство барной шлюхи еще ни одного мужчину не возбуждало. Ни одного нормального мужчину. Судя по оболочке, Гончаров такой и есть? То, что не тронул меня вчера пьяненькую, подтверждает мои мысли.

Жаль, под рукой нет интернета, чтобы погуглить про этого человека. Мне важно понимать, что он из себя представляет. Сделав несколько глотков виски прямо из горла, я беру телефон Гончарова. Стоит графический ключ. Задумчиво прикусываю губу и вывожу пальцем тот, что недавно установила себе. Несколько мгновений моргаю, не веря, что получилось разблокировать телефон с первой попытки. Да ладно? У Константина Сергеевича такой же пароль, как у меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.